

НОМО TRADITIONIS В УСЛОВИЯХ ВЫБОРА

Автор статьи исходит из того, что проблема выбора есть прежде всего проблема свободы. Она решается в двух ракурсах — как проблема выбора потребителя ценностей или как творческая проблема личности, производящей эти ценности. Нарушение стабильности общества изменяет условия выбора, порождая неопределенность и в том, и в другом ракурсах решения проблемы выбора.

Проблема выбора, центральная в теме свободы, имеет не только метафизический, но и социокультурный аспекты. Рассматривая эту проблему, нужно учитывать принципиальное различие между обыденным и научным смыслом термина «выбор».

В обыденном смысле термин «выбор» означает, что человек выделил одно из множества любых мысленных или предложенных решений по поводу того, как ему поступить в заданной обстановке. Конечно, выбор всегда направлен на лучшее, наиболее нужное, но в вульгарном, обыденном смысле не даны ни основание для выбора, ни критерий, то есть признак, по которому можно было бы оценить и сравнить разные варианты ответов, предложенных на выбор. Отсутствует даже указание на различие между выбором ответа и выбором тех последствий, которые связаны с каждым из возможных ответов: то и другое в неявной форме отождествляется, хотя и в моральном, и в юридическом смысле это весьма различные значения. Афера, скажем, в том и состоит, что аферист предлагает сделку, за которой не стоит обещаемое благо. Именно поэтому афера как злоупотребление доверием является уголовно наказуемой. Формально вкладчики в пресловутое «МММ» делали свободный выбор, юридически же они были жертвами, а авторы аферы — преступниками.

В более строгом, научном смысле термин «выбор» относится к особому аспекту взаимосвязи возможности и действительности. Окружающей действительности присуща способность самопроизвольно или под влиянием каких-то

сил изменяться. Способность существующего к изменению и носит название возможности. Всякой действительности принадлежит множество возможностей, в том числе таких, что они взаимоисключают друг друга (по принципу «либо—либо»). Возможности можно условно поделить на *реальные* (массовидные) и *формальные*, реализуемые лишь при редком стечении обстоятельств, либо практически никогда. Известен, например, случай, когда младенец выпал из окна пятиэтажного дома и был удачно принят на руки случайного прохожего, что можно расценить как невероятно удачное стечение обстоятельств. Разумеется, между формальными возможностями либо между реальной и формальной возможностью не может быть никакого разумного выбора. Возможности для разумности выбора должны быть реальными, и притом равновероятными.

Поскольку субъектом выбора является человек, возможности выступают для него как альтернативы в принятии им решения о своем поведении на основе предпочтения того или иного результата выбора. Выбор — это реальное действие человека, основанное на предпочтении одного набора благ (материальных или духовных) другому набору благ. Объект выбора — всегда благо (набор благ), а не, скажем, благо и его отсутствие — таков основной закон теории выбора, так называемые «аксиомы Сэмюэлсона». Полнота определения условий выбора предполагает при этом определение списка альтернатив и задание критерия выбора.

Здесь, однако, возникают два обстоятельства, которые должны быть приняты во внимание.

Во-первых, в идеале аксиомам Сэмюэлсона отвечает ситуация, при которой все альтернативы являются детерминированными, то есть они таковы, что результат выбора любой из них научно предсказуем. Выбор при этом будет рациональным, сознательным и свободным (ибо, как было доказано в свое время М. Бунге, принятие решений вслепую, не основанное на знании причинно-следственной связи, свободным не является; оно эквивалентно рабству, даже если совершается добровольно)¹. Реально, однако, мы редко имеем дело с абсолютно детерминированными альтернативами, и обычно нас вполне удовлетворяет выбор в условиях допустимых альтернатив. В этом случае нам с самого начала известно, что любой результат выбора желателен для нас и осуществим, отличаясь от других по второстепенному признаку.

Во-вторых, говоря об условиях выбора, надо различать предпочтение («*A* лучше *B*») и предпочтительность («*A* лучше *B* с точки зрения *X* на момент *T*»). Смещение предпочтения с предпочтительностью влечет подмену истинных предпочтений мнимыми, иллюзорными. Иначе говоря, если истинное предпочтение зависит от объективно принадлежащих *A* и *B* свойств, меры их полезности, удобства, нужности, то предпочтительность может зависеть только от квалификации имиджмейкера или эффективности рекламы. В этом случае субъект выбора обращается в объект управления, внушения, и сам выбор, сохраняя видимость выбора без принуждения, перестает быть свободным. Внутренняя по видимости склонность выбирающего человека, ставшего объектом манипулирования сознанием, имеет под собой в таком случае сугубо внешние обстоятельства, а единственное, в чем может проявиться его реальная свобода, состоит в способ-

ности противостоять внушению. Иначе говоря, свобода выбора зависит от того, что человек понимает под предпочтительным, и от глубины понимания им условий выбора, его способности критически взвесить обещания, навязываемые цели и правила, получить объективную и достаточно полную информацию.

Поскольку в индивидуально-психологическом аспекте выбора формой реализации оценок альтернатив выступает предпочтительность, предпочтение предполагает некоторую меру риска и неопределенности. Боле того, по словам Б. М. Гросса, «рациональное поведение всегда включает интригующую комбинацию рутины и творчества»². Но то же самое рациональное поведение «зависит от мощности, с которой индивидуум может предсказать с наибольшей вероятностью результат своих конкретных действий»³. Иначе говоря, наиболее благоприятны для рационального поведения стабильные условия, неизменность обстоятельств жизни и вытекающая отсюда привычность, рутинность, запрограммированность поведения, обеспечивающая прогнозируемость возникающих альтернатив и творческий подход к их решению. «Когда мы не в состоянии запрограммировать значительную часть нашей жизни, мы страдаем»⁴.

Нарушение аксиом Сэмюэлсона, связанное с этим превращение выбора в фиктивный выбор, определяется, как правило, условиями его осуществления. Нарушаются условия, обеспечивающие равновероятность альтернатив либо достижимость блага. Это имеет место, например, в случае подмены принципа регулярного распределения равнодоступных позитивных результатов выбора принципом азартных игр («все или ничего»), особенно, если она произведена без ведома и согласия выбирающих. Такую же роль играет и так называемый «избыток свободы», когда, скажем, выбирающему предлагается на выбор множество вариантов функционально одного и того

же, но выбор при этом основывается лишь на визуализации и данных рекламы, создающей внешне привлекательный имидж рекламируемому товару или человеку, то есть на заведомо неполной и ненадежной информации. Таково же положение, когда имеет место систематическая девальвация ценностей, нестабильность условий жизни, хаотический поток нововведений и связанное с этим нарастающее несоответствие выборов ожиданиям. Таково, наконец, то, что К. Хорни назвал «обнищением личности», — типичное мышление индивидуалиста, «которое центрировано исключительно на самом себе и чей эгоцентризм не позволяет ему посмотреть на себя как на маленькое звено большой цепи. Он считает само собой разумеющимся, что должен взять самое лучшее в данное время, в данной социальной системе, но протестует против того, чтобы быть связанным с другими при совершении добрых или плохих дел. Поэтому он не может понять, почему должен страдать от того, в чем лично не замешан»⁵.

В свете сказанного проблема выбора — это проблема способности человека грамотно реализовать свое право на выбор.

Нужно определить, какие человеческие качества отвечают этому. По определению Э. Фромма, «свобода — это поведение, ориентирование, составная часть характера зрелой, полностью развитой, продуктивной (творческой) личности... Свобода в этом смысле покоится не на том, что индивид способен принимать решение в пользу одного из двух возможных способов действия, а на структуре характера данного индивида, и в этом смысле только тот, кто не способен больше выбирать зло, является полностью свободным человеком»⁶.

Иначе говоря, речь идет о том, какой культурный капитал и воплощаемые им символические ценности необходимы для того, чтобы выбор был свободным.

Прежде всего это проблема того, каковы условия осуществления выбора, насколько предвидимы следствия выбора. Вопрос этот касается не абстрактного «человека из ниоткуда», человека вообще, а человека в конкретном обществе, у которого есть не только прошлое, но и будущее. Ответ на этот вопрос не допускает полной индивидуации. Ясно, что вопрос о свободе выбора стоит по-разному для жулика, создающего «финансовую пирамиду» и систему заманивая в нее простаков, и для этих самых простаков, которые стали жертвами жулика. Нужна характеристика таких макроусловий, при которых оказывается допустимым подобное жульничество. Нужно также определить, в какой мере развитие общества прогнозируемо, и в какой мере человек в этом обществе способен прогнозировать свое будущее.

Но здесь мы сталкиваемся с тем, что свобода выбора, предполагающего всегда альтернативу добра и зла, возможна лишь у независимого субъекта, каким считал человека И. Кант. По словам Дж. Сороса, «Кант мог выводить категорический императив из существования нравственного субъекта, который руководствуется велениями разума, требующими исключить из рассмотрения личную выгоду и личные желания... Общеобязательность императива выводилась из представления о человеке как самостоятельном и разумном субъекте. Проблема же состоит в том, что описанного Кантом рационального субъекта не существует. Люди, составляющие современное, основанное на сделках общество, отнюдь не руководствуются категорическим императивом, так что ныне поставлены под сомнение сами идеалы истины и честности»⁷. В условиях рыночных отношений независимый субъект замещается зависимым человеком, который «не обладает абсолютным знанием, но наделен стремлением к личной выгоде»⁸, и такая замена, как показывает в своем анализе Р. Тони, разрушительна для моральных

ограничений, ибо отрывает материальную выгоду от реальной услуги сообществу. «Богатство становится основанием общественной оценки, и массы людей, которые трудятся, но не приобретают богатство, объявляются вульгарными, незначительными и недостойными по сравнению с немногими, которые приобретают богатство за счет счастливой случайности или умелого использования экономических возможностей. Они начинают рассматриваться не как цели, ради которых и стоит производить богатство вообще, а как орудия его приобретения... Общество, управляемое этими понятиями, с необходимостью становится жертвой иррационального неравенства»⁹. Возникает категория людей, для которых, по словам Н. Н. Моисеева, характерно то, что «они живут с представлением о самодостаточности. Судьба не дала им достаточного образования, но наградила их удивительно удобным свойством: они не способны сомневаться в собственной правоте»¹⁰.

В итоге метафизический человек как творец своего бытия оказывается разорван, представлен двумя разными категориями людей. Одна категория, потребляя труд другой, производит богатство для себя, используя для этого потребности другой категории людей. В свою очередь, вторая категория, выступая производителем материальных и духовных благ, рассматривается представителями первой категории, приписывающей ипостаси творца только себе, как потребительская масса, функция которой состоит в обеспечении непрерывности процесса роста богатств. Формируется система, которая все больше приспособливает человека к своим нуждам, игнорируя его личные и суверенные запросы, если они не совпадают с нуждами системы. Формируется процесс управления людьми с помощью различного рода психотехнологий. Этот процесс направлен на то, чтобы добиться сперва молчаливого согласия или внушить нужное

убеждение; последующее действие индивида явится реакцией на это вызванное извне душевное движение, и потому оно несколько не сопровождается чувством принуждения. Мы покупаем автомобиль новой конструкции или новое слабительное средство «не потому, что они так уж нужны, а потому, что нас убедили в необходимости приобрести их»¹¹.

Итак, свобода выбора расщепилась на свободу производителя, творца и свободу выбора потребителя, которая становится все более мнимой свободой, тонущей в проблеме отчуждения или вытесняемой на периферию, в область трикеризма (дурачества). Никакой набор личных качеств в этих условиях еще не делает личность свободной, ибо, как говорил Ж.-П. Сартр, «свобода наличного не есть свобода будущего... Ценность существует, если сознание, выходя за рамки наличного, становится творцом своего собственного будущего»¹². Для этого требуются люди в высокой степени наделенные способностью критически мыслить и оценивать, обладающие высоким порогом внушаемости, способные противостоять давлению иррациональных сил и влияний. Соответственно этому система образования должна была бы готовить «не людей, которые выполняют любые указания, не моргнув глазом, сознавая, что это механическое подчинение власти — цена хлеба, но людей, которые могут принимать критические решения...», — писал А. Тоффлер о задачах реформы образования¹³.

Если объективно свободный выбор предполагает формальное равенство наличных возможностей, то творческий выбор означает нечто большее: некий проект будущего, замысел. Но этот замысел не может быть чистым представлением о проекте как о чем-то возможном. Проект должен быть не просто возможным, но и желаемым, хотя еще и не реализованным. Он может формироваться в реальном пространстве — времени

своего сообщества, на стадии его стабильности.

Этапу нормального состояния стабильности общества соответствует положение, когда все изменения носят плавный постепенный характер, так что образ жизни людей, сколь много изменений не происходило бы в нем за время жизни человека, представляется ему надежным, устойчивым, в своей основе неизменным. Причиной этому, по словам М. Мид, является то, что «любой сегмент поведения в данной культуре, если его проанализировать, оказывается подчиняющимся одному и тому же основополагающему образцу либо же закономерно связан с другими моделями поведения в данной культуре»¹⁴.

Для такого состояния общества характерно доминантное значение традиции и обычая. Сводить смысл их к застойности было бы неверно. Так, посредством традиции осуществляется и управление, и регулирование общественных отношений, тогда как юридическое право является только инструментом управления. Соблюдение традиции обеспечивается функционированием общественного мнения, в силу чего управление с помощью традиции имеет более демократический характер, тогда как управление с помощью права авторитарно по своей природе при любом строе и немыслимо без эффективного функционирования силовых структур. Благодаря своей неформализованности традиции способны адаптироваться к переменам в обществе, изменяться и развиваться. Именно поэтому традиции не сковывают человека так, как формальное право, и совпадают с народным пониманием справедливости, в отличие от закона, обеспечивающего скорее правопорядок, чем справедливость. Поэтому среди футурологов, разрабатывающих концепции постиндустриального общества, так популярно положение о вытеснении в будущем государственных установлений обычаями.

Стабилизация общества периодически переходит в состояние кризиса, когда происходит массовая смена образа жизни, утрата по какой-то причине прежних социальных верований, идеалов, проектов будущего, не компенсированных выработкой новых, внедрение и распространение новых стилей жизни и т. п., иначе говоря, там, где теряет свою харизматичность мир ценностей, скреплявший прежде народ воедино, происходит отчуждение народа от мира его собственных ценностей, и они перестают восприниматься как его собственные. Происходящее при этом все более существенное расхождение идеалов, воплощенных в традициях, и господствующих тенденций реальности порождает кризис существующего менталитета и переход культуры в кризисное состояние в целом. Происходит частичная утрата чувства реальности, а тем самым — предсказательности и предвидения. «Мы нашли, — пишет М. Мид, — что народ, который мог описать каждую деталь какого-нибудь события, происшедшего в период относительной стабильности, давал самые противоречивые и путаные отчеты о событиях более близких, если они происходили в беспокойные времена. События, которые должны быть соотнесены с непривычной обстановкой, принимают некий оттенок нереальности»¹⁵.

Состояние кризисного менталитета общества может иметь весьма деструктивные для человека следствия. В первую очередь, из того, что старый мир ценностей дискредитирован, а новый еще не приобрел харизмы в глазах людей, складывается двусмысленное отношение к идеалам и проектам будущего, официальным или неофициальным. По словам Ю. Замошкина, в этих условиях «расхождение идеала и существующей реальности делает возможным возникновение типа личности, которая, как кажется, искренне принимает идеал..., но одновременно оказывается втянутой в формы политической практики, этому идеалу

противоречащие» (то есть идеал становится способом маскировки). Но возможен в данных условиях и другой исход, «когда сознание своей приверженности идеалу становится средством нейтрализации критической саморефлексии по поводу практических действий, противоречащих идеалу... У человека возникает искушение, а затем и привычка оправдывать себя, заглушать, блокировать в себе чувство вины... и чем резче контрастируют слова и дела, тем громче, настойчивее и даже искреннее могут звучать слова»¹⁶. В таком случае идеал выступает как инструмент психологической компенсации в несбалансированности отношения между личностью и обществом.

Но на пути к реализации этих целей у человека есть два могущественных противника — СМИ и, в первую очередь, телевидение с его каждодневной пропагандой наживы, насилия, безвкусицы, аморальности, и реклама, бессовестно насаждающая «демонстрационный эффект». «Повышенная визуальная внушаемость, суггестивность является той ахиллесовой пятой, по которой бьет современного человека реклама, пользуясь ослаблением его способности суждения, способности самостоятельно думать и оценивать, — пишет Й. Хейзинга, — это равно относится и к коммерческой, и к политической рекламе... Реклама во всех ее формах спекулирует именно на ослаблении способности суждения и благодаря своему неудержимому распространению и назойливости сама ускоряет дальнейший упадок этой способности»¹⁷. О том же предупреждает и А. Тоффлер: «Чрезмерная стимуляция на сенсорном уровне вызывает искажения в восприятии действительности», неспособность рационального выбора, иррациональное, беспорядочное поведение. Человек становится неспособным различать истинные и фиктивные предпочтения»¹⁸.

Интересный анализ этой проблемы был дан в свое время Г. Маркузе. В

принципе, считает он, мы можем различать истинные и ложные потребности. Ложными являются те, «которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления». «Их утоление может приносить значительное удовлетворение индивиду, но это не то счастье, которое следует оберегать и защищать», поскольку оно способно лишь вызывать «эйфорию в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, вести себя в соответствии с рекламными образцами) принадлежит к этой категории ложных потребностей». Однако в том то и дело, что, хотя «право на окончательный ответ в вопросе, какие потребности истинны и какие ложны, принадлежит самим индивидам... но только в таком случае и тогда, когда они свободны настолько, чтобы дать собственный ответ... До тех пор, пока их сознание — объект внушения и манипулирования, их ответ не может считаться принадлежащим им самим»¹⁹.

Усилению чувства нереальности происходящего, эфемеризации всех норм и ориентиров действительности способствует то, что А. Тоффлер назвал «психологическим загрязнением социальной среды»: с одной стороны, «семья, школа, корпорация, церковь, сверстники, СМИ и мириады субкультур — все они провозглашают весьма отличные друг от друга совокупности ценностей», усиливая «неопределенность идеалов». Это дополняется «бомбардировкой образами» со стороны ТВ и рекламы. Знаменитости-однодневки, смена имиджей одних и тех же лиц с «плюса» на «минус» и наоборот, засорение сознания образами «звезд» то спорта, то шоу-бизнеса, то преступного мира, то «героев» экранизаций бульварных романов и киноподелок — все это ведет к тому, что постоянно «ускоряющееся течение через сознание потока людей-заменителей реального человека у многих реальных

людей приводит к неустойчивости склада индивидуальности, характера, психики, «создает чувство опустошенности и потери своего Я»²⁰.

Психологическое загрязнение социальной среды в свою очередь деструктивно воздействует на то, что Д. Белл называл «диалектикой высвобождения и обуздания» в истории западной цивилизации. С одной стороны, ослабляются механизмы охранительного табуирования, воспрещавшего культурную деградацию общества. С другой стороны, искажается суть высвобождения творческого потенциала человека: если исторически было принято, чтобы «культура ... судила о настоящем, исходя из прошлого, обеспечивая непрерывную связь того и другого в традиции»²¹, сохраняя в обновлении развития родовой менталитет, обеспечивая его бытие, то в новых условиях формируется атмосфера вседозволенности, когда «все должно быть разрешено (по крайней мере, в сфере воображения), включая похоть, убийство и другие темы, доминирующие в модернистском сюрреализме. С другой стороны, оправдание власти и влияние целиком и полностью выводятся из потребностей Я, из верховенства собственной личности. Игнорируя собственное прошлое, эта личность рвет и аннулирует узы, подчиняющиеся законам преемственности»²².

Развитие подобной тенденции в обществе опасно не только вырождением культуры на уровне индивидуализации в противовес и в ущерб участию, но и таит угрозу для всего строя становящегося гражданского общества. Усиление тенденций редукции социальных отношений к межличностным при неограниченном росте индивидуализма оказывается, как доказывают современные исследования в области социальной психологии, открытой дорогой к охлократии и от нее к крайним формам авторитаризма. Нарастание индивидуализации в ущерб участию не компенсируется ростом

самоуверенности индивида, оказывающегося в итоге в чужеродном окружении. По мнению исследовавшего этот вопрос Э. Канетти, «в индивидууме зарождается сложный клубок чувств вокруг чужеродного прикосновения, вся крайняя раздражительность, возбудимость свидетельствуют о том, что здесь оказывается задето что-то затаенное в самой глубине души, что-то никогда не покидающее человека, однажды утвердившего суверенитет своей личности. Такого рода страх способен лишить сна. Освободить человека от этого страха способна лишь масса»²³ — неуправляемая (хотя и легко манипулируемая) толпа индивидуалистов-эгоцентристов, способная на любые формы насилия и разрушения.

Эту опасность для современного общества отмечают многие авторы. Так, по словам К. Поппера, вследствие потери органического характера открытое общество постепенно может стать тем, что можно назвать абстрактным, или безличным обществом, в котором все дела совершаются индивидуумами в полной изоляции и отчужденности от общества и его интересов. Это — общество людей, «которые живут в анонимности и одиночестве, а следовательно, в несчастье... Хотя общество стало абстрактным, биологическое устройство людей изменилось незначительно. У людей есть социальная потребность, которую они не могут удовлетворить в абстрактном обществе... Интересно, — добавляет он, — что наше современное общество во многих отношениях напоминает такое совершенно абстрактное общество»²⁴.

Подводя итог сказанному, отметим, что на уровне сознания свобода определяется возможностью выбора. Для того же, чтобы был реальный выбор, нужны многочисленные мотивы и условия действия. Но мотивы могут быть индуцированы внушением, а возможности действия виртуализированы. Выбор вообще становится невозможным там, где либо

мотивы равноценны (как в случае с буридановым ослом), либо условия действия и, соответственно, следствия решения неопределенны до непредсказуемости (как ориентация слепого в неизвестной ему местности). И в том, и в другом случае сознание человека легко стано-

вится объектом манипуляции. Это и есть, на наш взгляд, основной вопрос философской антропологии на современном этапе — проблема защищенности человека, его психологической безопасности, реальной свободы и независимости личности в сообществе других людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бунге М. Причинность. М., 1962. Гл. 7.
- ² *Elsner H.* The Technocrats. NY., 1967. P. 250.
- ³ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 283–284.
- ⁴ Там же. С. 289.
- ⁵ Хорни Х. Ваши внутренние конфликты. СПб., 1997. С. 170.
- ⁶ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 95.
- ⁷ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001. С. 181–182.
- ⁸ Там же. С. 183.
- ⁹ Тони Р. Стяжательное общество // Личность. Культура. Общество. Т. IV. Вып. 1–2. 2002. С. 223, 225.
- ¹⁰ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000. С. 152.
- ¹¹ Гэлбрайт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 375.
- ¹² Сартр Ж.-П. Проблема средства и цели в политике. // Этическая мысль 1991. М., 1992. С. 260–261.
- ¹³ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 328.
- ¹⁴ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 323, 324.
- ¹⁵ Там же. С. 336.
- ¹⁶ Замошкин Ю. Идеал и реальность // Прорыв. Становление нового мышления. М., 1988. С. 282–283.
- ¹⁷ Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992. С. 278.
- ¹⁸ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 283.
- ¹⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 8–9.
- ²⁰ Тоффлер А. Столкновение с будущим // Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. М., 1977. С. 20.
- ²¹ Белл Д. Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль. М., 1990. С. 254.
- ²² Там же. С. 254.
- ²³ Канетти. Э. Человек нашего столетия. М., 1990. С. 392.
- ²⁴ Понтер К. Открытое общество и его враги. Т. I. М., 1992. С. 219.

M. Lezgina

HOMO TRADITIONIS IN THE CONDITIONS OF CHOICE

The problem of choice is assumed to be simultaneously a problem of freedom. This problem can be solved in two perspective ways – as a problem of a choice made by a consumer of values or as a creative problem of the person producing these values. Instability of a society changes the conditions of affecting both of the perspectives for solving the problem of choice.